

Ты мукъ своихъ не выразилъ словами, —
Ты не хотѣлъ насмѣшки выпить ядъ,
Съ улыбкою притворной, какъ Сократъ;
И, не разгаданъ глупою толпою,
Ты умеръ чуждымъ жизни.. Миръ съ тобою!

СХХАУІІІ.

И миръ твоимъ костюмъ! Онъ сгніють,
Покрытыя одеждою военной..
И сумраченъ, и тѣсенъ твой пріютъ,
И ты забытъ, какъ часовой безсѣнный.
Но что же дѣлать?—Иди, авось придуть,
Быть-можетъ, кто-нибудь изъ прежнихъ

братій

Какъ знать, земля до молодыхъ обѣтій
Охотница.. Отвѣтствуй мнѣ, пѣвецъ,
Куда умчался ты?.. Какой вѣнецъ
На головѣ твоей? И все ль, какъ прежде,
Ты любишь насъ и вѣруешь надеждъ?

СХХХІ.

И вы, вы всѣ, которымъ столько разъ
Я подносилъ пріятельскую чашу—
Какая буря въ даль умчала васъ?
Какая цѣль убила юность вашу?
Я здѣсь одинъ. Святой огонь погасъ
На алтарѣ моемъ. Желанья славы,
Какъ призракъ, разлетѣлися. Вы правы,
Я не рожденъ для дружбы и пировъ..
Я въ мысляхъ вѣчный странникъ, сынъ
Ущелій и свободы, и, не зная [дубровъ,
Гнѣзда, живу какъ птичка кочевая.

СХІ.

Я для добра былъ прежде гибнуть радъ,
Но за добро платили мнѣ презрѣньемъ;
Я пробѣжалъ пороковъ длинный рядъ—
И пресыщенъ былъ горькимъ наслажденьемъ..
Тогда я хладно посмотрѣлъ назадъ:
Какъ съ свѣжаго рисунка, сгладилъ краску
Съ картины прошлыхъ дней, вздохнуть и

маску

Надѣлъ, и буйнымъ смѣхомъ заглушилъ
Слова глушцовъ, и дерзко ихъ казнилъ,
И, грубо пробуждая ихъ безпечность,
Насмѣшливо указывалъ на вѣчность.

СХІІ.

О, вѣчность, вѣчность! Что найдемъ мы
За неземной границей міра?—Смутный, [тамъ
Безбрежный океанъ, гдѣ нѣтъ вѣкамъ
Названья и числа; гдѣ, неприютны,
Блуждаютъ звѣзды велѣдъ другимъ звѣз-
Заброшенъ въ ихъ нѣмые хоробы, [дамъ.
Что станетъ дѣлать гордый царь природы,
Который вѣрно созданъ всѣхъ умнѣй,
Чтобъ пожирать растения и звѣрей,
Хоть между тѣмъ (пожалуй, клясться стану)
Ужасно самъ похожъ на обезьяну.

СХІІІ.

О, суета! И вотъ вашъ полубогъ—
Вашъ человѣкъ: искусствомъ завладѣвшій
Землей и моремъ, — всѣмъ, чѣмъ только
могъ,—

Не въ силахъ онъ прожить три дня не ѣвши.
Но полно! Злобный бѣсъ меня завелъ
Въ такіе толки. Вѣкъ нашъ — вѣкъ без-
божный;

Пожалуй, кто-нибудь, шпіонъ ничтожный,
Мои слова прославить, и тогда
Нельзя креститься будетъ безъ стыда
И поневолѣ станешь лицемерить,
Смѣясь надъ тѣмъ, чему желалъ бы вѣрить.

СХІІІІ.

Блаженъ, кто вѣритъ счастью и любви,
Блаженъ, кто вѣритъ небу и пророкамъ, —
Онъ долготѣнъ будетъ на земли
И для сыновъ останется урокомъ!
Блаженъ, кто думы гордыя свои
Умѣлъ смирить предъ гордою толпою,
И кто грѣховъ тяжелою цѣною
Не покупалъ пурпурныхъ устъ и глазъ.
Живыхъ, какъ жизни, и свѣтлыхъ, какъ

алмазъ!

Блаженъ, кто не склонялъ чела младаго,
Какъ бѣдный рабъ предъ идоломъ другого!—

СХІІІІ.

Блаженъ, кто выросъ въ сумракѣ лѣсовъ,
Какъ тополь дикъ и свѣжъ, въ тѣни зеле-
Играющихъ и шепчущихъ листьевъ, — [ной
Подъ кровомъ скалъ, откуда ключъ студеный
По дну изъ камней радужныхъ цвѣтовъ
Струей гремячей прыгаетъ, сверкая,
И гдѣ надъ нимъ береза вѣковая
Стоитъ, какъ призракъ поздней порою,
Когда едва кой-гдѣ сучокъ гнилой
Трещитъ вдали, и мракъ между вѣтвями
Отсюда смотритъ черными очами!

СХІІІ.

Блаженъ, кто посреди нагихъ степей
Межъ дикими воспитанъ табунами,
Кто приученъ былъ на хребтѣ коней,
Косматыхъ, легкихъ, вольныхъ, какъ надъ
Златая облака, отъ раннихъ дней [нами
Носиться, — кто главою принавъ на гриву,
Леталъ, подобно сумрачному диву,
Черезъ пустыню, чувствовалъ, считалъ,
Какъ жѣрно конь о землю ударялъ
Копытомъ звонкимъ и впередъ землю
Упругой былъ кидаетъ съ быстротою.

СХІІІ.

Блаженъ!.. Его душа всегда полна
Позѣй природы звуковъ чистыхъ;
Онъ не уснетъ вычерпать до дна
Сосудъ надеждъ; въ его кудряхъ волнистыхъ
Не вылинеетъ до вѣка сѣдина;
Онъ, въ двадцать лѣтъ желающій чего-то,
Не будетъ вѣчной одержимъ звѣтой,
И въ тридцать лѣтъ не кинетъ край родной
Съ болною грудью и болною душой,
И не рѣшится отъ одной лишь скуки
Писать стихи, марать въ чернилахъ руки, —

СХІІІ.

Или, трудясь, какъ глупая овца,